

Яна Сова

Вальпургиево проклятие

НЕ ВСЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ...

Яна Сова

Вальпургиево проклятие

«Автор»

2020

Сова Я.

Вальпургиево проклятие / Я. Сова — «Автор», 2020

Вальпургиева ночь - это дивный праздник весны и плодородия. Во все времена его праздничные гуляния сопровождались веселыми играми, магическими церемониями и холодящими кровь легендами. Любознательная Элизабет проникается ежегодными традициями до глубины души. Она готова пойти на что угодно, лишь бы выведать очередную интересную историю. На этот раз, девочке сопутствует удача - ей удастся услышать историю из уст самого Фрэнка Шульца - обожаемого, но уж очень упрямого дедушки. Спустя долгие годы настойчивых вопросов внучки, Фрэнк все же решается приподнять завесу тайны. Наконец, Элизабет предстоит столкнуться не с очередной выдуманной сказкой, а с реальной историей, произошедшей с дедушкой в канун праздника. Но все ли легенды такие безобидные, какими кажутся на первый взгляд? Быть может, иногда неведение - это наша единственная защита?

© Сова Я., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1	5
2	9
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яна Сова

Вальпургиево проклятие

*И вот угас жемчужный свет луны,
И не было извилистых тропинок,
Ни дерна, ни деревьев, ни цветов,
И умер запах роз душистых
В объятиях любовных ветерка...*
Эдгар Аллан По, «К Елене»

1

С ранних лет дедушка говорил мне: «*Элизабет, даже настолько незначительная мелочь, как взмах крыла бабочки, может стать причиной тайфуна на другом конце света. Будь внимательнее*».

Фрэнк декламировал это всякий раз, когда по своей невнимательности я совершала непростительные промахи и, соответственно, не могла и близко подойти к желаемому результату.

И так день за днем стремительно проходило детство, со временем даровавшее мне заветную мечту: видеть то, чего не замечают другие. Отсеивать необычное от обыденного, а также обличать посредственность в тех «выдающихся» явлениях, которые люди привыкли причислять к чудесам. Возможно, многие найдут подобное занятие ребяческой глупостью, но, благодаря этому маленькому увлечению пристально следить за окружающим миром, моя жизнь – в отличие от рутинного существования большинства сверстников – превращалась в нескончаемую увлекательную игру. Так мне удалось развить одну важную способность, которая и останется со мной до скончания века, – наблюдательность.

Предпраздничный переполох – это и есть та сказочная пора, когда люди с воодушевленными глазами меняют маленькое обжитое пространство на живописный идеал с картинки и общими усилиями преобразуют обыденность до такой неузнаваемости, что кажется, будто ты и вовсе очутился в каком-то параллельном, фантастическом мире. Мне нравится наблюдать за людьми: как целыми семьями они едут в супермаркет на другой конец города и с нетерпением закупаются праздничным инвентарем в надежде, что в этом году их дом точно станет самым экстраординарным в округе, а атмосфера за его стенами пропитается торжественным уютом и ненадолго станет их личной, непохожей на другие, сказкой.

Вообще-то, все эти помпезные приготовления очень напоминают спортивные соревнования, только горожане борются не за золотую медаль и громкую славу, а за пестрые товары в магазинах и весьма необычное звание самого изобретательного жителя округи. Конечно, наблюдать за таким поединком, стоя в очереди супермаркета в канун праздника, – отдельный вид удовольствия!

С радостными улыбками они украшают жилища диковинной атрибутикой и мастерят непоседливым детишкам слегка неумелые, но очень даже симпатичные и живые костюмы. Я говорю «живые», потому что в эти костюмы, как ни в какие другие, люди вдыхают дух праздника и сами на какое-то время превращаются в действующих лиц, сошедших со страниц волшебной сказки. Организуя необычное торжество, даже самые серьезные и аскетичные взрослые – сами того не ведая – могут запросто отдаться во власть возвратившегося к ним духа детства и азартно спустить все сбережения, лишь бы подарить себе давно ушедшее чувство сказочной эйфории.

Хоть с беззаботной поры моего детства утекло много воды, лично я нахожу нечто потрясающее в том, что, как и прежде, праздник продолжает сохранять свои чудодейственные свойства, а главное – дарить особое предчувствие, что фантазия вот-вот воплотится в реальность.

Всю жизнь я смотрела на этот праздник с ошеломляющим наивным восторгом: мне казалось, что в недрах всех этих незатейливых обрядов и развлечений кроется некая таинственная истина, сакральный корень древнейших традиций и непостижимых постулатов.

Еще совсем маленькой я задавалась вопросом: почему бы людям почаще не украшать свои дома и не облачаться в красивые наряды? Почему бы всем разом не превратить свою жизнь в сказку? Ведь это же так просто!

Лишь с годами, с высоты своих лет, мне удалось проследить одну закономерность: если бы люди норовили преобразить обыденность в каждодневный маскарад – такое понятие, как «особенный» или «праздничный», просто потеряло бы смысл.

Я помню, как умилялась при виде заботливых мастериц-мамочек, которые с любовью создавали своим детям пестрые образы, организовывали веселые гуляния и дарили незабываемое ощущение сказки. И временами жалела, что подобные впечатления мне совершенно чужды. Я никогда не чувствовала материнского тепла и заботы, не дурачилась с друзьями на костюмированной вечеринке, не наблюдала за торжественным сжиганием соломенного чучела, не водила хоровод вокруг ряженого Майского дерева и уж тем более не примеряла новенький костюм к школьному утреннику. А все потому, что родители относились к Вальпургиевым гуляньям с глубочайшим презрением и жгучей неприязнью. Они никогда не разрешали мне выходить из дома в канун праздника.

Мои родители – это бабушка Вера и дедушка Фрэнк, пришедшие ко мне на помощь в тот момент, когда надо мной нависла ужасная опасность остаться сиротой и отправиться в приют к таким же беспризорным и несчастным детям, в одного из которых норовил превратить меня жестокий рок.

Вместо того чтобы бросить меня на произвол судьбы и преспокойно продолжить размеренную тихую жизнь, они примчались по первому зову: проделали долгий путь в другую страну и увезли меня в Германию – в тихий провинциальный городок, в котором проживали последнее десятилетие.

Все дело в том, что мама умерла во время моего рождения, а отец, как оно частенько бывает, смылся еще задолго до того. Стоило мне появиться на свет, как жизнь самого дорогого мне человека трагически оборвалась. С первых секунд моего прихода в этот странный и жестокий мир я была лишена родительской ласки и заботы. Совру, если скажу, что с годами это перестало меня беспокоить, – всё было куда сложнее. Многие люди почему-то уверены, что нельзя скучать по тем, с кем ты никогда не был знаком и кого ни разу в жизни не видел. Конечно, это высказывание в какой-то степени имеет смысл и напрямую относится ко мне и моей маме, но... даже несмотря на то, что я ее не знала, а видела разве что только на старых фотографиях, я безумно скучала! И порой ловила себя на мысли, что пожертвовала бы очень многим, лишь бы оказаться рядом.

Когда на меня накатывали наиболее тяжелые приступы тоски, дедушка всегда говорил: «Элизабет, твоя мама так сильно любила и ждала твоего появления, что предпочла твою жизнь своей. Я уверен, она мечтала только о том, чтобы ее Лиззи была счастлива».

* * *

Во все времена Фрэнк и Вера относились ко мне – их единственной внучке – с добротой, пониманием и любовью. Я считала, что они – главные в моей жизни люди, а умиротворяющая атмосфера их дома только подтверждала эти убеждения. Не было на свете места роднее, теплее и уютнее, чем дом любимых бабушки и дедушки.

Дедушка никогда не пытался ни в чем меня обделить и всегда щедро давал деньги на карманные расходы и желанные покупки. Кроме того, Фрэнк был отличным мотивационным психологом, и каждый раз, когда ему приходилось потакать очередной детской прихоти, он произносил единственную важную фразу, в которой чувствовалась его искренняя любовь и вера в правильность своих решений: «Лиззи, я не хочу, чтобы ты в чем-либо нуждалась. Мы с бабушкой стараемся дать тебе все, потому что ты – хорошая девочка, заслуживаешь этого, как никто другой».

После этих слов на душе становилось очень уютно и тепло, а нежное детское сердце переполнялось благодарностью за то, что мне досталась такая потрясающая семья.

И я почти не печалилась из-за того, что меня не воспитывали настоящие родители. Лишь изредка, как уже упоминала, накатывала тоска по маме, но даже в такие моменты печаль не длилась долго. Дедушка всегда находил нужные слова, чтобы утешить и ободрить свою загрустившую внучку.

В нашем доме имелось два этажа и пять светлых комнат, а также излюбленный мною чердак со слуховыми окнами. С ноября по май я жила в восточной части дома, где и располагалась моя уютная детская спальня с нежно-розовыми стенами, широкой мягкой кроватью, огромными книжными стеллажами, которые были заставлены красочными изданиями сказок, комиксов и любимых приключенческих романов, с кучей игрушек и большим широкоэкранным телевизором. А в начале лета, когда в наш городок приходило долгожданное тепло, ночи выдавались невероятно теплыми, а небо было усеяно яркими звездами, я с удовольствием перебиралась на чердак, где и сосредотачивался весь мой мир. Я рисовала красочные фантазматические картины зачарованных миров, сочиняла небывалые рассказы об отважных воинах, чудесных принцессах и злых волшебниках, играла в игрушки, а еще много-много мечтала.

Мечтала о том, что когда-нибудь я смогу придумать самый красивый костюм ведьмочки и прийти в нем на праздник.

Но в каких бы светлых и ярких оттенках вы ни рисовали образ маленькой любознательной девочки, я была отнюдь не простым ребенком. Именно поэтому мы изредка конфликтовали с бабушкой.

Она не одобряла пристрастие единственной внучки к чердачным ночевкам, походам в лес и играм с соседскими мальчишками в рыцарские сражения. Свою неприязнь бабушка всегда аргументировала так: «Лиззи, эти занятия не для девочки», и, к сожалению, переубедить ее казалось делом заранее проигрышным. Ну а дальше нетрудно и догадаться, что на многие вещи для меня автоматически накладывалось табу. Но знаете что? Мне это даже нравилось. Ее запреты только подогревали мой интерес.

За лихие яркие моменты из детства я могу благодарить любимого дедушку, который втайне от строгой бабушки позволял мне некоторые шалости. Например, из подручных материалов Фрэнк помогал смастерить рыцарский меч или щит, а в другие дни давал советы, по какому маршруту нам с ребятами лучше отправиться на прогулку в чащобу. В моих глазах дедушка был настоящим супергероем, поскольку никогда не препятствовал моим желаниям и не запрещал вещи, от которых я приходила в щенячий восторг.

Мы с Фрэнком были классной командой. Лучшими друзьями, которых объединяют блестящие идеи, общие тайны и кров.

К слову, специально для меня дедушка соорудил на чердаке двуспальную кровать с металлическим каркасом, где я лежала под мягким одеялом, наблюдая за свечением мерцающих созвездий сквозь толщу слухового окна. Мое детство – мое счастливое и беззаботное детство, проведенное в стенах этого дома, – запечатлелось в памяти летним благоухающим букетом пряностей и цветущей подле нашего дома яблоней.

Именно такой аромат обволакивал меня каждую летнюю ночь, и я никогда не просыпалась от кошмаров.

* * *

Дедушка Фрэнк никогда не разговаривал со мной на излюбленную тему Вальпургиевой ночи, отмахиваясь, что все это не более чем суеверные сказки. «Не забивай себе голову ерундой», – недовольно бурчал он, когда я приставала к нему с расспросами.

Несмотря на чрезмерную строгость бабушки, дед по-прежнему оставался главой семейства: его слово было законом для всех домочадцев. Никто не смел ослушаться указаний Фрэнка Шульца, и я не могла изменить ситуацию до того апреля.

Когда до рокового праздника оставалось всего ничего, я решилась в очередной раз попытать судьбу и постаралась выудить из деда какую-нибудь «страшилку». Я чувствовала: он что-то знает и просто-напросто испытывает мое терпение.

Думаю, что каждому родителю знакома детская любознательность, в особенности когда ребенок никак не хочет оставлять вас в покое, зная, что припасена интересная история, которую по какой-то причине от него утаивают.

Когда мы говорим ребенку «нет», то только подстегиваем интерес своего чада и настойчивость в докапывании до истины. Добровольно испытываем и проверяем границы своего терпения.

Вот и у меня в жизни наконец наступил этот миг. Фрэнк раскололся, хватаясь обеими руками за седую голову и причитая: «Господь всемогущий! Вера, ты только погляди на нее – этот ребенок мертвого достанет! Ну, ладно-ладно, иди сюда, кое-что я тебе расскажу. Только, ради всего святого, сядь на место и успокойся».

Дедушка Фрэнк поведал мне историю, после которой все встало на свои места.

2

С горящими глазами и широкой улыбкой во весь рот я запрыгнула в старое кресло и, устроившись в более-менее удобной позе, с нетерпением ждала первые слова дедушкиного рассказа.

– Элизабет, прежде чем я смогу начать рассказ, ты должна мне кое-что пообещать, – насупившись, проговорил дед, неотрывно глядя на меня пронзительными янтарными глазами. – Потому что это очень, я подчеркиваю, очень важно.

Меня пронзило искреннее недоумение от его слов, ведь обычно таким тоном взрослые разговаривают с несмышленными малышами, пытаюсь установить свои правила. Я себя к такому не причисляла, поэтому едва не затаила на дедушку обиду из-за того, что ему вообще взбрело в голову заговорить со мной такими дурацкими фразочками.

Ситуация показалась мне нелепой, поэтому, не говоря ни слова, я просто буравила взглядом Фрэнка, стараясь всем видом показать, что его слова меня очень задели. Не дождавшись ответа и проигнорировав обиженный взор, Фрэнк продолжил как ни в чем не бывало:

– Элизабет, я всего лишь хочу, чтобы впредь мы к этой теме не возвращались. И прежде чем я заговорю, должен взять с тебя честное обещание больше никогда не допекать меня расспросами о Вальпургиевой ночи. – На долю секунды его тон переменялся, а пронзительный янтарный взгляд произвел такой поразительный эффект, что я почувствовала необъяснимый леденящий озноб. – Надеюсь, мы договорились, Лиззи?

Пребывая в странном оцепенении, вызванном почти что гипнотическим взглядом дедушки, в ответ я смогла только кротко кивнуть.

– Вот и славно, – отозвался он, медленно отпив глоток воды из стакана на ближайшем журнальном столике. – На самом деле считаю, что эту историю тебе следовало услышать еще давно, просто... нам с бабушкой тяжело об этом вспоминать, поскольку традиции Вальпургиевой ночи имеют прямое отношение к нашей семье. – Неожиданно на его лице я прочитала горькую муку, граничащую с непереносимой, сдерживаемой болью, которая спустя долгие годы наконец-то отыскала выход наружу и вырвалась из долгого заточения. И от понимания, что его чувства вполне реальны, во мне вдруг пробудилась жалость. Ведь все-таки я любила дедушку. – Так что постарайся на нас не обижаться, ладно?

– Хорошо, дедушка, – пискнула я, а сама еще больше подобралась от нетерпения.

Фрэнк некоторое время не спускал с меня задумчивого взгляда и молчал, по всей видимости, что-то прикидывая у себя в голове. Но вскоре он сделал глубокий вдох, прочистил горло и начал рассказ.

– Много лет назад, когда я был юным, амбициозным и чересчур любопытным молодым человеком, кх-м, в точности как ты, крошка, и еще не успел познакомиться с Верой... то есть с твоей бабушкой, я...

На этом моменте Фрэнк внезапно оборвал свою речь, нахмутив кустистые седые брови и направив взгляд куда-то в пустоту. Мне показалось, что он к чему-то внимательно прислушивается. И действительно: стоило мне подумать об этом, как из коридора послышался приглушенный звук скрипящих половиц, а затем – приближающиеся шаги. Когда скребущий звук вдруг затих, мы синхронно обернулись к проходу и увидели, что бабушка наблюдает за нами из дверного проема. С легкой улыбкой на лице она застыла на пороге комнаты, надежно удерживая в руках алюминиевый поднос, где стояли две небольшие чашечки горячего шоколада с корицей, над которыми вился ароматный пар.

Дедушка одарил ее добродушной улыбкой и жестом пригласил присоединиться к нам. В тот же миг всякие эмоции в его глазах уступили место лишь доброму янтарному блеску, сообщавшему об искренней и всеобъемлющей любви к Вере Шульц. Тонкие бледные губы

дедушки тронула нежная улыбка, а узловатые пальцы принялись аккуратно разглаживать складочки брюк на коленях.

Когда бабушка подошла к столу, наклонилась и ловко поставила поднос на журнальный столик, то помедлила и аккуратно положила мягкую теплую ладонь на мое плечо, точно успокаивая или приободряя.

– Люблю тебя, ба, – сказала я ей, запрокинув голову. – Твой шоколад – самый лучший!

– Спорить не стану, – вклинился в разговор дедушка. – Твой горячий шоколад, дорогая, лучше любого средства от бессонницы! После одной чашечки буквально спишь как убитый!

Я тихонько хихикнула. Дедушка весело мне подмигнул.

– И я люблю тебя, Лиззи, – ласково ответила бабушка Вера, после чего переметнула строгий взгляд на дедушку и предупреждающе вскинула кверху брови. – А ты смотри мне, не пугай ее сильно, понял? Не хватало, чтобы она еще начала изводиться кошмарами!

Лицо дедушки неожиданно вытянулось от удивления.

– Дорогая, а разве ты к нам не присоединишься?

Бабушка покачала головой.

– Я бы с радостью, – сказала она, – но мне еще нужно закончить с приготовлениями. Сам знаешь, как много времени они отнимают.

Дедушка понимающе кивнул и принял крайне серьезный вид, а я, в свою очередь, так и не поняла, о каких «приготовлениях» идет речь и что могла подразумевать бабушка под этими словами.

Так и не вспомнив ничего подходящего, уже собиралась допросить бабушку, но не успела: к тому моменту, как я, сгорая от любопытства, спохватилась это сделать, она уже направлялась к выходу. Ловя мой слегка растерянный взгляд, Фрэнк снова добродушно улыбнулся. Стоило бабушке покинуть комнату, как от его мрачной серьезности не осталось и следа. Секунду спустя он прочистил горло и продолжил с того момента, на котором остановился:

– В общем, еще до знакомства с твоей бабушкой, я, насколько тебе известно, жил в Соединенных Штатах Америки, в своем родном городе – Нью-Йорке и работал в непримечательном офисном центре. Район, где располагался офис, находился на окраине западной части города и пользовался весьма дурной репутацией, нисколько не вызывая желания посетить это местечко. Кварталы кишели многоэтажными офисными конторами вперемешку с неблагоустроенными жилыми комплексами, в которых обитали в основном неблагополучные семьи, граждане с сомнительной репутацией и алкоголики. По пути на работу в том районе ты мог встретить спящего бродягу, который, завидев тебя на обратном пути, плелся за тобой, выклянчивая деньги.

И раз уж зашел разговор о местных попрошайках, то не могу не поделиться историей об однажды случившемся со мной инциденте. Вся заварушка началась с того, что в какой-то из дней мне пришлось допоздна задержаться на работе, чтобы доделать финансовый отчет, а как только я вышел из здания и прошел пару десятков футов, на меня напала свора беспризорных подростков. Когда я увидел, что один из них держит в руке здоровенный, поблескивающий в свете тусклого фонаря нож, моя душа ушла в пятки. При виде их потрепанных одежд, покрытых грязью лиц и стальной решимости в одичалых глазах на меня снизошло страшное озарение: я стал жертвой нападения не какой-то там худо-бедной шайки беспризорных хулиганов, а той, которая запросто могла убить: таким, как они, терять уже нечего. И, к всеобщему сожалению, они это тоже прекрасно осознавали.

За нашей встречей не последовало долгих разговоров, как часто изображают режиссеры в каких-нибудь остросюжетных захватывающих триллерах. Вместо слов за этих людей говорили их обезумевшие взгляды и зажатое в руках оружие. Окружив меня, налетчики отрезали путь к спасению. Их банда нависала надо мной, как смерть нависает над раковым больным. И лишь после нескольких минут безмолвной тишины один из них выступил из круга и подошел ко мне на опасно близкое расстояние.

– Выкладывай все свои деньги, папаша, – холодно произнес молодой человек, который, по всей видимости, и являлся главарем их банды.

Я не мог разглядеть его лица, потому что оно было тщательно спрятано под плотной тканью черной маски. Лишь по голосу примерно определил возраст бандита. Ему явно было не больше шестнадцати. Но даже несмотря на это, по силе парень превосходил меня в несколько раз, о чем и говорило его не по годам развитое тело.

Как только я понял смысл его фразы, невольно осознал, что сегодняшним вечером вряд ли выйду сухим из воды.

Все потому, что с работы я возвращался с небольшим саквояжем, в котором находилось десять тысяч долларов. Накануне босс обратился ко мне с очень деликатной просьбой: положить порученные средства на счет компании и сделать это не позднее завтрашнего утра. В моих руках была не только баснословная сумма денег, но и угроза дальнейшего существования. Я понимал, что эта чертова передряга, в которую мне довелось попасть, может стоить мне работы и перспектив на хорошую жизнь. Если бы бандиты отобрали саквояж, я бы ни за что не сумел разыскать такую сумму меньше чем за двенадцать часов и тем самым компенсировать убытки моего начальника. Случись это, и мой босс без всяких разбирательств засадил бы меня за решетку. А допустить подобного я, конечно же, никак не мог. Поэтому уже тогда твердо сказал себе: «Пускай это будет стоить мне жизни, но я ни за что не отдам им гребаный саквояж».

Приготовившись к предстоящей потасовке, я поежился. Крепко прижимая к груди набитый деньгами чемоданчик, увидел, что круг стремительно сужается, а малолетние разбойники наступают. Жажда убежать была нестерпимой, а страх того, что могло бы произойти, возрастал в геометрической прогрессии. От горького понимания, что, вероятнее всего, совсем скоро я стану безработным калекой, потерявшим все самое дорогое и значимое в жизни, мои ноги робко подкашивались, а по всему телу разливалась пульсирующая слабость.

И просто чудо, что в этот момент улицу патрулировали полицейские. Увидев столпотворение мелких вредителей, стражи порядка тут же разогнали шайку и, сами того не ведая, спасли мое доброе имя от бог весть чего. Удостоверившись, что я не ранен, офицеры любезно подбросили меня до метро, но я был так напуган и ошеломлен, что даже не помню, как добрался домой.

Но готов признаться, что в тот вечер мне просто невероятно повезло. Далеко не единожды мне приходилось слышать жуткие истории о нападениях, а по пути на работу собственными глазами видеть забрызганный свежей кровью тротуар и лицезреть прочие следы минувшей борьбы: рваные лохмотья одежды, разбитые очки, выбитые зубы, а иногда и вовсе распростертые мертвые тела, столпотворение полицейских и огороженное яркой лентой место преступления.

После того, что произошло со мной накануне, я сразу образумился и задал себе железную установку: больше никаких ночных посиделок в офисе. Работа работой, а жизнь у меня одна.

Мои должностные обязанности состояли из двух малоприятных пунктов: беспрекословной покорности беспринципному начальству и сдачи финансовых отчетов в срок, – а также «бонуса» в виде паршивого кофе, который практически всегда имел горько-мыльный привкус.

Да, как бы странно ни звучало, но в тот момент меня действительно устраивала эта неблагодарная и бесперспективная работенка, потому что на протяжении практически всей жизни я волочил ношу бесхребетного, сильно нуждающегося в деньгах неудачника, способного вынести все что угодно. Подстегиваемый пугающей перспективой не заплатить вовремя за аренду и без гроша в кармане оказаться на улице жестокого мегаполиса, я трудился днями и ночами, вкалывая до седьмого пота как проклятый.

Я работал на одного крупного специалиста по недвижимости, мистера Алестера Кроули, имя которого было созвучно с именем знаменитого поэта и черного мага двадцатого века – Алистера Кроули, за что моего босса пытались частенько подцепить какой-нибудь второсорт-

ной и неуместной шуточкой. Конечно, все это продолжалось до тех пор, пока Алестер не поднялся по карьерной лестнице и не занял высшую должность в нашей конторе. Тогда-то все сотрудники хвосты свои и поджали, старательно прикусив языки.

Если раньше старина Кроули считался среди коллег кем-то вроде посмешища и фрика и на него толком не обращали внимания, то, заняв пост начальника, Алестер не на шутку стал пугать подчиненных.

В основном своей мрачной отрешенностью, замкнутостью и непредсказуемостью. Никто не знал, по какому принципу босс выстраивает работу отдела и чего конкретно добивается, но все чаще случались дни, когда он без всяких объяснений мог сразу уволить двоих, а то и троих сотрудников. Время шло, и в конце концов он полностью поменял состав коллектива, в котором смог раскрыться как специалист и наладить вполне дружеские отношения. Из так называемых «ветеранов» оставался только ваш покорный слуга, и, если уж говорить откровенно, один я замечал, что было в Кроули что-то таинственное, замкнутое и недоступное для посторонних глаз. Из-за постоянного присутствия Кроули отдел незаметно окутала некая тайная зловещая сила, что росла и усиливалась с каждым днем его властвования. Сами того не замечая, сотрудники чахли и хмурились на глазах, в то время как босс этим подпитывался и расцветал, словно притаившийся хищник.

Как ни странно, на меня его энергетика никак не действовала, и я думаю, что «защитным барьером» служило мое и без того паршивое существование, высасывающее все силы и жизненные соки.

Я никогда не разговаривал с боссом на личные темы. Все наши с ним отношения носили исключительно рабочий характер и вращались по замкнутому кругу деловых нюансов.

Дни напролет я просиживал в конторе, пытаюсь управиться в сроки с килограммами многомесячных отчетов и опасно балансируя на грани того, чтобы заработать серьезный нервный срыв. Ведь если бы это произошло, я бы просто-напросто не смог работать, что, как уже известно, приравнивалось в моей жизни к полной катастрофе.

Время шло, моя нервная система тончала, и работы с каждым днем становилось все больше, но мне будто закрыли проход на карьерную лестницу, не позволив даже преодолеть первую ступеньку. Вот уже шесть лет я пахал на мистера Кроули. Он прекрасно видел, что я горбачусь, точно крепостной раб, и за все это время ни разу не заговорил о повышении. Моментами я даже думал, что Алестер просто наслаждается моими страданиями, подпитывает от меня свою внутреннюю дьявольскую сущность. Вероятней всего, оно так и было, но я не смел являться к боссу с претензиями, потому что в таком случае мог в одночасье лишиться работы.

Все было спокойно: я выполнял указания и не влезал туда, куда мне не следовало. Однако одним весенним днем, в единственный выходной, Кроули вызвал меня в контору и, к моему великому удивлению, поручил необычное задание.

Когда я вошел к нему в кабинет, он стоял в глубине комнаты и смотрел в окно, имея вид весьма озадаченный: хмурое лицо, безэмоциональный ледяной взгляд и сжатые в узкую полоску губы.

Было непонятно: то ли он глубоко задумался, то ли пытался анализировать хаотичное движение автомобилей, проносящихся по просторам центральных улиц, куда и выходили панорамные окна кабинета моего босса. Но услышав, что в дверях что-то замешкалось, он тут же повернулся, напрочь позабыв обо всех своих важных размышлениях, и уже с порога одарил меня снисходительной улыбкой.

– Доброе утро, Фрэнк, – поприветствовал Кроули глубоким баритоном, который звучал очень тихо и непринужденно. – К сожалению, у меня совсем немного времени, и я надеюсь, ты не будешь против, если мы сразу перейдем к делу? Кофе будешь?

– Э-э... В общем-то, давайте. – Из-за дикого волнения я ощутил, как ладони покрывает неприятная испарина. – Благодарю вас, мистер Кроули.

– Фрэнк, в компании ты работаешь не первый год, занимаясь муторной деятельностью каждый божий день. За долгие годы нашего сотрудничества меня всегда поражало твое стремление к трудолюбию и выдающееся чувство ответственности.

На фоне нашего разговора готовилась полулитровая порция свежего кофе. Капсульная кофемашинка издавала громкие и дробящие звуки. Поэтому воодушевленные реплики босса и гневные извержения аппарата совсем не вязались между собой. Заняв кресло напротив Кроули, я попытался свыкнуться с окружающей обстановкой и удостовериться, что мне не снится безумный сон.

Босс продолжал:

– Я вызвал тебя для того, чтобы дать поручение. Сделка очень важна как для тебя, так и для светлой репутации нашей фирмы. Тут нужно действовать очень прагматично и точно, понимаешь?

– Да, сэр, – выдавил я.

Постепенно моя речь становилась все более уверенной и четкой. Сонливость мало-помалу уходила из моего голоса, а ощущение реальности крепчало и уже по-настоящему предъявляло права на главенствующее место в моем сознании. Что, разумеется, не могло не радовать.

Когда я понял, что шум кофемашинки стих, тут же повернулся к аппарату. Мысленно уже преодолевая траекторию со своего места до кофейного шкафчика, я вдруг обнаружил, что на подлокотнике моего кресла остывает большая чашка крепкого американо, а мистер Кроули и вовсе допил свой напиток. Сердечно поблагодарив босса, я сделал первый глоток – такого хорошего американо я не пробовал никогда в жизни. Невзирая на то, что напиток был предельно горячим, я с жадностью опустошил чашку, и мы вновь принялись за обсуждение дела.

После долгих объяснений деталей сделки выяснилось, что мне предстоит длительная командировка и в случае ее триумфального завершения меня ожидает мощный скачок по карьерной лестнице. Я получу должность главного помощника, то есть «правой руки босса». Это не только могло положить конец финансовым трудностям и извечной проблеме с квартплатами, но и избавило бы от рабского низкооплачиваемого труда, которому почти удалось погрузить меня в пучину безумия.

Не веря своему счастью, мысленно я поблагодарил судьбу за то, что она подарила мне долгожданный шанс завоевать авторитет и зажечь полноценной жизнью нормального человека.

Не раздумывая ни секунды, я принял выдвигаемые Кроули условия и в спешке понесся домой, дабы собрать все необходимое, что могло в первую очередь пригодиться мне во время длительного отъезда.

Одна фантастическая мысль о том, что это событие сможет изменить мою жизнь в лучшую сторону, была усадой. Перед мысленным взором появлялись сказочные миражи возможных перспектив и воплощений долгожданных мечтаний. Как только босс пересказал мне суть дела и в подробностях изложил все нюансы, я узнал, что на полные сборы мне отведено всего два дня.

Оставшееся до поездки время прошло очень суматошно, но вместе с тем и приятно интригующе, и, думаю, нет смысла вдаваться в подробный рассказ о том, что происходило со мной до отъезда. Это были нервные дни, в ограниченные часы которых я старался уместить тысячу и одно незаконченное дело, ничего не забыть и везде успеть. Могу лишь сказать, что по итогу мои внезапные сборы прошли очень даже успешно, а последние нервные клетки и силы были потрачены во благо. Через пару дней я собрал все вещи, подготовил документы и сел на поезд. Мне предстояла долгая дорога в юго-восточную часть Европы...

В Румынию.

* * *

В дороге я провел четверо с половиной суток.

Путешествие произвело неопишное впечатление, так как до этого момента я и мечтать не мог, что когда-нибудь доведется отправиться в такие далекие края, да еще и в одиночку. А какие виды раскрывались передо мной – удивительные своим многообразием природные ландшафты!

Это были богатые, еще не изувеченные людьми, вековые леса, верхушки которых устремлялись на немыслимую для человеческого понимания высоту и желали дотянуться, казалось, до облаков. Они волнообразно раскачивались на ветру, словно прекрасные стройные девы, исполняющие нежный, медленный танец.

Будучи коренным обитателем каменных джунглей, я в жизни не видел ничего подобного: чтобы многоэтажные строения, к которым привык мой обывательский взгляд, казались жалкими игрушечными домиками по сравнению с вечнозелеными гигантами-деревьями: стройными соснами, серебристыми березами и могучими дубами.

Когда мы вырывались из густых зарослей, я любовался высоким чистым небом, видневшимися вдалеке пастбищами с овцами и бескрайними золотистыми полями, отливающими на закате изумительным янтарным блеском.

Радостно улыбался во весь рот, словно ребенок, когда из окна вагона удавалось разглядеть затаившихся диких зверей: косолапых темных медведей в чащобе, перескакивающих с ветки на ветку юрких белок, грациозных рысей на внушительных горных уступах или же парящего в небе черного коршуна. Всякий раз я задерживал дыхание, когда поезд заезжал на массивные, расположенные на большой высоте виадуки, потому что создавалось впечатление, будто тяжелый транспорт вовсе не скользит по рельсам, а парит высоко в воздухе.

Ранним утром и поздними вечерами всю видимую округу обволакивал густой туман, сквозь который наш поезд неизменно прорывался, всходя на очередной каменный мост. Молочная дымка окутывала высокую сочную траву, заботливо укрывала неосязаемым белоснежным одеялом деревья и даже захватывала верхушки далеких гор.

С благоговейным мистическим чувством я смотрел, как поезд въезжает в белую пелену и распарывает туманное брюхо своим железным составом... Впечатление от поездки не испортил даже черноволосый громогласный румынский кондуктор в пестрой причудливой униформе, сновавший туда-сюда по вагону и с утра до ночи болтавший тарабарщину на незнакомом мне языке.

С моего первого путешествия прошло уже много лет, но, как ни странно, я отчетливо помню, что единственным моим чувством на тот момент была безмятежность. Убаюкивающий ритм поезда, живописные виды за окном, вкуснейший пряный кофе, разливающийся приятным теплом по всему телу, и стойкий запах сигаретного дыма в вагоне, казавшийся мне тогда самым восхитительным и наполненным волшебством ароматом.

В последнее время я все чаще размышляю о том, что, когда ты молод, одиночество и риск идут тебе на пользу, ведь ты мало о чем задумываешься и совсем не испытываешь страха и, как следствие, готов свернуть чертовы горы. Молодость – это все, чем может овладеть человек в полной мере за всю свою жизнь. Ценнейшее и самое счастливое время.

3

На заходе солнца, тридцатого апреля, я прибыл в Восточную Румынию, оказавшись в одном заурядном портовом городе, название которого сейчас даже и не вспомню.

Как только я сошел на берег с двумя большими дорожными сумками наперевес, то холод вмиг заставил меня пожалеть о том, что я беззаботно вышел на улицу в легком фланелевом костюме и тонком бутафорном плаще, который едва ли мог принести хоть малейшую пользу.

Не прошло и нескольких минут, как я во всей красе ощутил последствия своей легкомысленности: мгновенно заочневшее тело начала пробивать дрожь, а налетавший с бухты прохладный ветерок то и дело заставлял содрогаться и ежиться при каждом дуновении. Мысленно перебрав свой скудный гардероб, я осознал неприятную истину, что теплее пиджака у меня с собой ничего нет.

– Вот же болван! – шепотом обругал я себя, неловко стискивая на груди полы тонкого плаща. – Отправиться в такую даль и даже не взять про запас одного теплого свитера! Ты, Фрэнк, просто сказочный идиот!

Я не на шутку разозлился, но, понимая, что время неумолимо движется вперед, а срочные дела не ждут, запасся мужеством и двинулся в путь. Прошагав несколько десятков футов от корабельного трапа и немного отвлекшись от пронизывающего холода, стал оглядываться по сторонам и изучать тусклый, погруженный в стремительно сгущающиеся сумерки пейзаж и сопутствующую ему унылую обстановку. Где-то в отдалении надсадно галдели чайки. Улицу пропитал едкий запах морской соли, залежавшейся рыбы и еще какой-то гадости, а непримечательные промышленные здания из серого камня и замызганные деревянные лачуги непонятного назначения стремительно поглощал густой сизый туман.

Признаться честно, внезапный штиль, не пойми откуда взявшийся туман, да и вообще сам факт столь переменчивой погоды – показался явлением очень странным. Из-за этих происходящих на моих глазах метаморфоз в голове возникла абсурдная и по-своему мистическая мысль, отозвавшаяся в груди тревогой. Мне почудилось, будто сам дух этого города по какой-то причине не хочет, чтобы я всматривался в его владения и запоминал детали. Не помню, какой вывод я сделал из этого зловещего в итоге, но охватившая меня тогда жуть отзывается в сердце и по сей день, когда я это вспоминаю.

Я видел спящих по территории порта рабочих в несвежих одеждах, слушал их громкую тарбарщину и ясно осознавал, что я здесь самый что ни на есть чужак. Словом, нетрудно догадаться, что первое впечатление о городе сложилось неважное.

Прошагав по грязной мостовой еще с минуту, я повстречал ватагу местных детей-оборванцев, занимавшихся обыденным для них делом – попрошайничеством. Пребывая в неприятном смутении, думал было пройти мимо, оставив их неразборчивую речь и заискивающие взгляды без внимания. Но стоило разглядеть детей внимательнее, и я ужаснулся, осознав, что они – бездомные. Семи-девяти лет, ребяташки были болезненно тощие и грязные, а их одежда скорее походила на изъеденные молью лохмотья, защищавшие их хрупкие тельца не лучше моего бесполезного плаща.

Из-за плохого освещения и налипшего на белесую детскую кожицу слоя грязи и пыли я мог видеть лишь их жалобные взгляды, исполненные благоговейной надежды.

Сжалившись над толпой изголодавшейся детворы, принял решение, о котором впоследствии очень пожалел: отдал им свою дорожную сумку, до отказа набитую продуктами, средствами гигиены и прочими полезными вещами, которые, рассудил я, в перспективе пригодятся им куда больше. От удивления на их лицах и радостных улыбок у меня потеплело на сердце. Я игриво подмигнул маленькому белобрысому мальчику, который обеими руками пытался удержать мой увесистый саквояж, после чего двинулся дальше.

Времени было в обрез, и, приняв решение не терять ни минуты, я отправился в путь. Меня подгоняло не только ограниченное время, но и сильное желание как можно скорее покинуть этот ужасный портовый район с его липкими от грязи тротуарами, несносным зловонием морепродуктов, уродливыми судами и громкоголосыми обрюзгшими моряками.

Накануне мне удалось обзавестись картой городка, и, принявшись за ее изучение еще в поезде, я увидел запутанную систему узких переулков, наводящую меня на ассоциацию с ужасающими парижскими катакомбами.

Очень некстати темные улицы атаковал клубящийся влажный туман, пришедший, по-видимому, напрямик из замызанного порта. Движущаяся за мной по пятам густая белая масса напомнила живой хищный организм, вознамерившийся выследить и загнать меня в смертельную ловушку.

Я проходил мимо обшарпанных многоквартирных домов старого архитектурного стиля с осыпавшейся штукатуркой и узкими деревянными окнами с решетками на них. Уродливые металлические прутья с заметными следами ржавчины были в основном у жильцов первых этажей и служили своего рода защитой от потенциальных грабителей и бандитов. От мысли, что прямо сейчас я нахожусь в одном из неблагополучных районов города, да еще и в темное время суток, меня передернуло.

Пока я миновал одну страшную пятиэтажку за другой, прошел, как мне показалось, целый час. За это время мне удалось не только испугаться перспективы стать жертвой бандитов, но и увидеть упадническое состояние городка: сваленные прямо на тротуарах горы смердящего мусора, неправильно припаркованные авто с очевидными следами коррозии на тусклом металле, оббитые фасады зданий, свисающие над переулками мотки проводов и – что самое страшное – устроенные прямо во дворах импровизированные кладбища.

Пока продолжалась моя пешая «прогулка», я насчитал по меньшей мере пять крестов с табличками на румынском. Уж не знаю, чьи это были захоронения – животных или людей, потому что останавливаться и выяснять я не стал. Однако от зрелища этой невиданной дикости меня пробрало до дрожи.

Дополнительной жути нагоняло и то, что за время моего променада по изворотливым пыльным тротуарам я не встретил ни одной живой души и, кажется, заблудился. Сворачивая с одной улицы на другую, забредая из одного переулка в следующий, я либо упирался в тупик, либо выходил на ничем не отличающуюся от предыдущей локацию. Мной овладела чудовищная паника, а расплзшийся со всех сторон туман будто бы злорадно вторил моим мыслям, сообщая, что я попался в ловушку. Помню, что в тот момент в душу закрался страх навсегда потеряться в этих катакомбах.

* * *

Уйдя на приличное расстояние от шумного порта и – слава Всевышнему! – отыскав выход из коварных городских катакомб, я по-прежнему слышал тоскливые крики чаек и звон корабельных колоколов, придававшие общей картине весьма траурное настроение.

Ощущая неумолимое приближение ночи, подумал: самое время для того, чтобы разыскать водителя.

Под конец нашего разговора с Кроули я получил ободряющее напутствие, что отыскать автомобиль в этих краях не составит никакого труда, так как в таких городах туристическое передвижение отнюдь не проблема: легкие деньги и сравнительно небольшие расстояния обеспечивают местному населению хлеб и кров.

Миная несколько поредевших многоэтажных трущоб, я только и делал, что с тревогой оглядывался по сторонам. По своему горькому опыту знал, что в подобных местах нужно быть предельно осторожным: случай в моем рабочем квартале постоянно всплывал в памяти.

Примерно через десять минут я набрел на стоянку, где смог подыскать себе более-менее приемлемый автомобиль. Водитель, согласившийся меня возить, был не очень-то разговорчив и не отличался учтивостью. Без лишних слов он загрузил мой чемодан в багажник, и мы отбыли из города. Во время поездки мужчина не обмолвился со мной ни одним словечком и уж тем более не пытался поддержать разговор. Окажись я в похожей ситуации раньше, нерушимая тишина и скверный настрой водителя показались бы мне чем-то необычно странным, но сейчас мне было все равно, потому что длительная дорога, стресс и блуждания по темным катакомбам очень меня изнурили. Хотелось только одного: остаться наедине со своими мыслями. Мы ехали через окутанный ночными тенями лес, я смотрел в окно и наслаждался предвкушением от надвигающейся сделки.

По прошествии получаса я почувствовал, как резко остановились колеса, а двигатель прискорбно заглох. В течение последующих десяти минут мужчина тщетно пытался спасти ситуацию и приложил не одну попытку, чтобы вернуть упрямую технику к жизни. Он выходил на улицу, поднимал капот и с помощью нескольких допотопных металлических ключей усердно устранил неполадку, после чего возвращался обратно в салон, проворачивал ключ и пытался завести машину.

«Неужели сломались?» – опечаленно подумал я и в этот момент будто бы глядел в воду.

Выругавшись на непонятном мне языке, в конце концов не выдержавший водитель со злостью ударил по рулю, снова открыл водительскую дверцу и вышел. Обойдя автомобиль быстрым шагом, он отворил заднюю дверцу своего довоенного форда и вежливым жестом руки дал понять, что «увлекательное» путешествие подошло к концу и что мне немедленно нужно покинуть транспорт. Мой недоумевающий взгляд так и застыл при виде его надменного лица.

Не в силах понять, что происходит, я негодуя уставился на мужчину, переполненный злостью и непониманием. Когда до водителя наконец-таки дошло, что язык его неоднозначных (он, наверное, считал, что интернациональных) жестов не сработал и уж точно не прояснил мне ситуацию, то с чудовищным акцентом он пробормотал одну-единственную фразу на английском: «Дальше не ехать».

– А мне-то что делать? – спросил я, глядя в его непонимающее морщинистое лицо и бесстрастные темные глаза. – Куда мне идти?

– Дальше не ехать, – повторил он, словно заевшая пластинка. – Выходи.

– Но мы же в лесу! – воскликнул я, предчувствуя надвигающийся кошмар. – Здесь темно, холодно и опасно! Что мне делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.